

1.12 О природе образа

От какой земли? Из какого сора? – воз-никает образ. Из неведомого нам, из невидимого нами без-образия – прорастает Лаокоон – в дыме печной трубы... Солнце правды, со-присутствующее миру, - вглядывается из лика чахлого одуванчика у покосившегося забора... Тернии и волчцы, злобные силы бес-плотные – из неотъёмлемого от нас, неотвязчивого репейника в хвосте собачьем, что вертит псом... Свойство образотворчества – из какого естества возникает в нас, органом в нас каким – воспримется нами, отражается от нас и воплощается про-изведением средствами

творческой рефлексии. Свойство это является ли естественным человеку. Воспомним: Сам Спаситель творил образы словесные – воспринимаемые символы, говорил народу притчами, и без притчи не говорил им (Мф 13:34). В этом ли образном говорении естественно уподобляемся Христу? – помыслим о том осторожно, благоговейно преклоняя жестокою свою выю. Это ли свойства творения образа – даровано нам и используется нами по назначению или вопреки предназначенному. Из какого сора – в нас лисах? – возникает образ. Из сора ли нашей падшей души, нашего никчёмного обез-ображенного человечества... Вновь припомним себе: русский человек без Христа – дрянь, сор – говаривал Достоевский. А со Христом? А во Христе? Не посраим высоты дарованного нам и поразмыслим о про-израстании, о воз-никновении образа.

Воз-никновение образа, - неизъяснимо, неисследимо, неведомо, как, из каких потаённых уголочков души, только ли из неё - про-исходит это, про-истекает, производится в мир наш – образ. Позволим себе размыслить о путях образа, нисходящего в мир, что есть этот путь, как воз-никает образ в этом мире, как проникает в мир и что есть истечение образа, откуда он к нам, перед нами, из какого неведомого далека... каковы пути его нисхождения, воз-никновения... какова природа его...

По образу и подобию – сотворён человек, об этом доносит нам Священное Писание и ничего не говорит о том, что по образу сотворён мир. Тем паче, по подобию. Без-образен ли мир, без-подобен... или нуждается в образе, глубинно жаждет во-ображения. Образотворчеству – человек, пребывающий в мире, - не это ли делание человека, вершины – за-вершения творения Господнего – и есть то самое воспоминание утраченной гармонии, некое эхо гласа Господа Сотворившего мир: «Хорошо!» - в преображенском восклицании апостола на Фаворе «хорошо нам здесь быть!»... Пронзившее вос-поминание о человеческом пред-назначении, о естественном от сотворении райском свойстве человека – нарекать имена, творить образы, именовать мир в его гранях, воздвывая его, как сад, - оживотворять словесно в во всех его про-явлениях, наполняя образным бытием. Воз-никает ли новое качественное бытие мира в этом именовании? – нет, - человек не возможет взять на себя делания Демиурга, отнюдь. Из человека ли – исходит само именование или человек – лишь орган Господень, Божья дудка, нарекающая предметы Божьего мира - и предъявляет человек Богу о-звученные имена, уде дарованные человеку свыше... Владеющий – нарекает имя. Владеет ли миром человек, царственно священнодействующий сын Божий, - в руке Господней сердце его поющее и глаголющее... В руке Господней мир... Помыслим ли о само-бытийственности, о какой – либо само-бытности мира ли, человека в нём...

Насколько человек, удалённый из рая может безбоязненно, безвредно для себя и для мира – творить этот образ. Искажён ли образ Бога в человеке с восприятием первородного греха, с восприятием греха произвольного. Может ли падший человек понести в себе образ Бога, как память о рае, деятельную память и способность – именовать мир... Завершено ли именование в раю продолжено ли за его оградой? Выдворен ли падший Адам за врата райские – ко образотворчеству в без-образном... Веруем так: будучи изгнанным из рая, человек не утратил ни образа, ни подобия в самой падшести своей. Именно образ и подобие Бога - достойны возлюбования в ближних и самих себе - по заповеди Христовой. Допустим так: будучи изгнанным из

рая, человек не утратил в падшести своей ни образа, ни подобия – как воли к свободному Богоуподоблению. Будучи весь о-греховлен грехом первородным, от праотца воспринятым, - не утратил человек свойства к образотворчеству. Не утратил и природной своей задачи со-творчества Творцу всяческих. Допустим себе этот высокий, не сравненный ни с чем – идеал человеческого земного бытия, как цель, как желанный образ жизни... Образотворчество, как образ жизни. Батюшка Серафим говорит нам о стяжании Духа Святаго Божиего, как жизненной цели. Святоотеческое предание говорит нам об о-Божении человека, как цели земной, возводящей ко Господу. Не есть ли это – путь возвращения в рай. Не устроение земного Эдема, отнюдь, но стяжание райского со-стояния пред Богом внутри мира, падшего вместе с человеком, внутри твари, стенающей об обращении сынов Божиих, пусть бы в памятовании, в опамятовании во грехе. Опамятование Адама перед Богом, облачение распознанной своей наготы шкурами покаяния, про-образом ризы Христовой произошло ведь в раю, может почитаться райским деланием и за пределами райских врат. Восхождение во области вос-поминания, деятельного со-участия отнюдь не в стяжании своими усилиями вернуть рай утраченный... но живописать человека в раю, человека опамятовавшего во грехе, созерцающего Бога из огреховленности своей, облачённой во Христа, - живописать словом ли, образом, запечатлённом в камне, пигменте, как-либо иначе – оживотворять образ, утраченный наяву, извлекать из природной памяти своей своей – смутное знание, словно бы память о утраченной части самого себя - о райском, лицом к Лику Господнему, бытии в способности со-творении с Творцом.

Сочинял имена Адам именующий в со-бытии с Творцом... или из-рекал, нарекал видимое, оживотворял словом именование живое, и не вполне живущее без имени. Усваивал себе Адам, Сын Божий, нарекаемый мир? Вростал ли в этот мир нарекая его... Неисследимы пути воз-никновения образа, но внятны итог этих путей, внятно и очевидно свойство человека – творить образ. Чем более удалён человек временем и грехом от рая, чем более замкнут в себе, чем более без-образен он сам, тем более без-образны произведения творимые им, должны содержать в себе и изъяслять образ Божий.

Усмотрим ли без-образия в различных проявлениях до Рождества Христова в падший мир. Не будем ни скоры, ни самонадеяны, ни безстыдны в обличениях. Воспримем их, как образы Божии, пред-течествующие Христу, жаждущие Христа, грезящие о Христе и не обретающие Его, живописующие и свидетельствующие о своей жажде. Дивной красоты египетские изваяния... Дивны проявления античной культуры, культуры вне – европейской, вне-церковной, вне Христа сущей... Возможем ли рассуждать о них кратко. Возможем ли не восхититься дивному извиву облика Сфинкса, таящего в себе загадку, не разгаданную до нас, разгадать которую не дерзнём и мы... Напластования тысячелетних культурных слоёв, открывающихся перед нами, – что воспрепятствует нам распознать в них стенание о падшести и о грехе, неосознаваемую жажду Христа грядущего...

Как случилось это: родившийся в мир Спаситель – Божий Сын, - изменил мир сотворённый Им, - изменил в самой его первооснове, в самой значимой его сущностной сердцевине, невидимо и явственно помимо ощущений – изменилось само

наполнение и осязаемое качество этого мира, - Бог вошёл в него. Люди – те же. Грех первородный – тот же. Страсти людей – всё так же испепеляюще смертоносны. Деревья и камни – неизменны... А мир – уже иной, - Бог – в нём. Солнце и луна, планеты и галактики – те же, но Бог – среди них на маленькой облагодатствованной Земле, среди людей живших тогда, среди людей живущих ныне, - Бог посреди нас. Можно ли в этом изменившемся мире творить образ, не взирая на событие Боговоплощения, не со-бытийствуя с бытием этого изменившегося мира, не имея в своём виду родившегося Христа, Спасителя возросшего, распятого и воскресшего, пребывающего с нами до скончания века. Можно ли, творя образ в этом изменившемся мире, не иметь Бога в виду. Можно, безусловно, можно не ведать о Христе, проповеданном повсюду. Можно творить образ, не смотря на Христа, так, словно бы не воплощал Себя Бог, будто бы не было Его нет среди нас, будто бы неотвратимо и неисцельно – одинок человек со свои человечеством во Вселенной без Бога.

Странно бы помышлять том, что церковь создана людьми. Общество людей, вос-принявших Бога, создано и сплочено, слитно - деяниями человеческих рук. Конечно же, это не так. Мы помним людей – апостолов, немощно и безвольно, уныло и безнадежно рассеявшихся при самой угрозе Христу... людей – учеников, предавших Его, уведённого на допрос... людей, недавних со-путников и со-участников проповедей, свидетелей чудес Господних - вышедших из себя людей, в оккультном бесновании орущих: возьми, распни Его, кровь Его на нас и на детях наших... Помним, как люди – дети Авраамова во истину становятся сынами дьявола. Удобопоползновенен человек ко греху – ловок на скольжение ко пропастям... - способен ли человек создать живую Церковь, этакий столп от земли к небесам - церковь – она нисходит на человека, приникает на землю в Пятидесятницу, как Дар Духа Святаго. Образ её лишь запечатлевает человек в некоей общей соборной практике запечатления, восприятия этого образа, о-формления его. Есть ли форма этого запечатления – продукт человеческого со-знания Божьему знанию о человеке. О-сознание происшедшего. Церковь – продукт со-творчества Бога и человека, - это видится правильным. Со-творяет человек и Бог, со-творяют друг – Другу. По-творяет человеку творящему – Бог Творец. И наделяет творца человека Бог Творец способностью вос-принять Себя, одаривает – образами и, быть может, силами к проявлению их.

Придумал ли человек литургию? Вос-принял общее делание по образу, деятельно пре-поданному Христом: сие творите в Моё поминовение... и пребуду с вами до скончания веков... Творите в Моё поминовение, - творите литургию и пребуду с вами. Творите таинственное восприятие Меня, Христа. Пейте и ешьте – воспринимайте в себя, в свои составы, в сердца, в самое нутро ваше – Меня, явившего Себя вам. Творите сие... Поймём ли этот призыв, как воз-звание к сотворению образа и саму литургию – воспримем ли, как образотворчество. Не примем этого взгляда, если с образом не со-единено неотделимо наше личное сущностное движение, наша живая поступь – во-ображение. Образ не сам по себе предстоит нам, но тайноводящей частью нашего движения – со-присутствует нам, со-провождает ко Господу, - так со-участвует в этом нашем про-движении Бог. Примем литургию только живым

действием приобщения человека ко Творцу, сущностного вос-соединения и взаимного проникновения Бога и человека. Отшатнёмся от образа, от самой литургии – отпрянем, если за нею и в ней нет сущностного Христа, ждущего нас, вникающего в человека... Отпрянем от всяческой декоративности, от всяческой формы, если не несёт она жаждущему нашему существу насыщения, утоления Самим Христом. Без Христа литургия – театр, а мы – зрители, - бежим от такового нечестия в самих помышлениях – бежим...

Дозволим себе такое понимание. Дозволим себе и прочие проявления образотворчества во Христе – как проявления литургические, как про-явление со-служения людей Богу в мире, в котором явил Себя Бог, в котором Он пре-подал людям обетование о Себе – пребывать с ними. Можно ли далее творить какой – либо образ, не имея этого обетования в виду пред собою. В который уж раз – зададимся вопросом, ответ на который нам представляется абсолютно ясным. Может ли быть любое творчество человека совершенно вне – литургичным? Если это так, то творчество в пространстве Божьего мира, устранившее, от-страняющее себя от Христа будет анти – литургичным, вместо – литургичным, вместо – христианским... вспомним здесь приставку «анти» и не усомнимся в об-личительной правомочности этой флексии...

Вместе с тем, всяческое творческое про-явление от сердца, созиждаемого руками Божьими, проявление, по видимому не связанное с Богом, будет, несомненно будет, нести на себе отпечатки Господних перстов, сохранит в себе теплоту ладоней Господа... как отсвет образотворчества во Христе, явственно узнаваемый. Что есть признак этого узнавания? – не образ ли Божий, сочувственно и любовно вострепнувшийся в нас при встрече.

Полнота – во Христе. В Боге – полнота любви человеческой. В Боге – полнота образа Бога в человеке, со-единённого и неразделимого с Перво-образом. В Перво-образе – полнота единения людей в со-узах Любви. Единомыслием – исповедуем Отца и Сына и Духа Святаго. Единомысленно – соборне - воспринимаем и со-обща, соборне, а вместе с тем, уединённо и таинственно-лично – приобщаем себя, произвольно вовлекаем себя к Единому, от-верзаем уста, чувствилища свои, приемлющие Бога. Там, где двое или трое собраны во имя Мое – там и Я посреди вас есть. Бог – посреди нас! Вот, что заповедовал нам творить Творец всяческих, вот, что сотворил и заповедовал нам в общем пред-стоянии. Так что же образ в этом пред-стоянии, откуда он про-исходит? Это ли памятование человека о своём райском делании до грехопадения в первородный грех... это ли непрестанное всею жизнью - со-трудничество со Христом, пре-подающим Себя после воплощения. Ежели мы, безумные, разрушим тонкий баланс со-гласия, со-трудничества с Богом, выделим из него человека и удалим Христа... - впадём в древний соблазн человекобожия, обязательно восполним утрату Бога, предадим, искусственно добавим несвойственное, утаённое нами, присвоенное нами не по праву, украденное... - предадим, вменим человеческому естеству Божественные свойства, - пусть лишь только помыслим и соблазнимся об этом... сколь древнее эхо отзовется, восшипит – восплещет в этом ободряющем и вдохновляющем, погубительном помысле: будете, яко Бози... Человек станет творить образ из себя самого. Образ будет лишь только собственным продуктом жизне-деятельности человеческого естества. Я – человек,

образ, из меня исходящий, - моё творение предо мною, как и перед вами, людьми... Сколь не близко нам подобное человекобожие, глубоко воспринятое и основоположное гуманизму, - псевдо, анти, само-обожение человека развито во всей возможной полноте и доведено до само-отрицания, само-умерщвления без Бога в пучинах чёрных дыр и квадратов пост-модерна, отъ-явленного, про-явленного, не скрываемого уже никак анти-христианства и онтологического сатанизма.

Баланс образотворчества в сотрудничестве со Христом, смещённый в иную сторону, к растворению в соборно-безличном пребывании перед Господом, по сути обезличивает человека, изымает из него личный образ Божий и расцерковляет, расбожествляет человека, устраняет человека из личного со-творчества Богу. Слепой, пассивный инструмент в руках Господних – не будет ли выброшен прочь, как соль, утратившая дарованную силу, как сугубая плоть, отвергшая Дары свободы от Господа, пренебрегшая Богоданным свойством уподобления образа... стада таковых, по ёмкому слову поэта должно резать или стричь. Крайнее проявление этого перекоса – абсолютный отказ от личного образотворчества, - собственно иконоборчество, плоды которого видим в храмах, лишённых образа, где и Крест под запретом, и икона не свята, в литургии нет живого двзаимо-действия с Богом, лишь театрализованный схизматиками обман... и в Чаше нет Спасителя... всё это почитается мерзким проявлением недостойных и падших человеческих чувств и недостойных Бога человеческих рук. Нечестие Богомерзкое в подобных суждений, начинающих из малого – от недостойного зарывания дарованного таланта из лучших и благочестивейших побуждений к тому. Видит бедный раб, зарывший свои дары в образе Господа – лишь человека жестокого, жнущего, где не сеял, и собирающего, где не рассыпал... Выброшен негодный и нечестивый во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов... Что есть человек в этом восприятии мира? – лучше бы и не именовать этого безобразия, этого само-оскопления, этого унижения человека в достоинстве его перед Богом.

Итак, истинным видится гармоническая сим-фония, баланс со-трудничества, дерзновенное взаимно-отношение творца человека с Богом Творцом, про-явление, обнаружение и пре-умножение дарованных человеку даров к творчеству, со-творчеству с Господом. Даров человеку его человеческих свойств: образа Божьего и подобия, как образа, уподобляющегося Богу. Уподобляющегося естеством своим и творящим в этом уподоблении образы Божьи. Вычлняются образом человека - образы Божьи из окружающего мира, проявляется в окружающем человека мире через образы распознаваемые – со-присутствующий, со-болезнующий, со-страдающий, со-радующийся человеку Бог. Боговидение... остережёмся перекоса в пантеизм, - отнюдь не станем видеть в окружающих предметах Самого Бога не подменим Его ничем внешним и обстоящим нас, не поклонимся место Творца твари: деревьям, столбам, планетам... Перекрестиям дорог... – но Богу в этом перекрещивании видимых линий, - увидим образ Креста Господнего в каждом перекрёстке... Узрим образ человека перед Господом в растении пред небом, воздымаются ветви – руки горе, укореняется в сотворённом мире... образ человека, образа Божьего, предстоящего Богу вертикальный укоренённый ан-тропос – увидим в каждом древе живом... Увидим образ в траве полевой: человек, яко трава – дни его, яко цвет сельный – тако отцветет, дух проедет в нем и не будет и не познает к тому места своего... Так видел царь Давид, - так же воспринимаем вслед за Давидом и мы, ныне живущие... Вот взаимо-

отношения Бога Творца и человека творящего в объятиях Господних... человека, стремящегося к возвращению из своего блудного, заблудшего возбешения, от неблагодарного само-вольного бегства – к возвращению в Отчие, объемлющие и чуткие ладони из, казалось бы, невозвратного само-отвращения от Христа.

Творение образа... Отворение образа в себе... От-кроение образа, как Богоданного человеческого свойства, собственно и есть ни что иное, как образование в человеке, приникание к своим корням, оживление их живоносных свойств, оживление себя самого, своей естественной природы, - вот так сотворённой по образу, уподобляющему себя Богу. О б р а з о в а н и е человеком – себя, само? – образование или открытие в себе Истины – Христа, бытийственное истинствование во Христе... Собственно образование человека Богом – произведено при творении. Человек сотворён как Бог – по образу и по подобию. Чего бы ещё сулил вражий шип «яко бози»... - дерзновение к к сверх благодатному, сверх-обоженному со-бытию со Творцом? К бес-подобному воз-вышению над Творцом, к сущностному равно-весию, равно-величию... Господь Сам нисходит к нам, умаляя Себя до человеческого естества во Христе, возвышая тем человека до высот невозможных, не – во – образимых... Образование пред – положено человеческой природе при сотворении мира... образование человека, как венца этого творения. В силах ли человеческих образовать себя Может ли быть плодотворным само-образование в упомянутом, духовном осмыслении слова... Само-образование в религиозном понимании есть абсурд. Само-образование есть достойнейшее занятие в гуманистическом понимании, если Бога как Творца, сообразовавшего человека с Самим Собой, не пред – полагает гордый человеческий разум. Итак, образ – вложен в человеческое естество вместе со свободой само – определения Богом, само отвращения от Бога, развращения вне Бога... вложена и потенциальная возможность и естественная задача уподобления Богу, задача, не осуществимая без деятельного Божественного со-участия и встречного благоволения Божьего. Обожение и оплодотворение не есть дело одних только человеческих рук, но задача и цель делания вне возможности как – либо принудить Творца к со-трудничеству. В духовном смысле – абсолютно без-корыстное делание, не имеющее никакой надежды на само-стоятельное достижение. Быть «яко Боги» - природный закон, с которым сотворены мы. «Будете яко бози» - вражий шип, склоняющий к деланию против – законному, против-естественному, устремление к о-Божинию, минуя Бога, по-мимо Него. Ложный шип, ложный вне цели, без-цельный путь в погибель. Но к жизни вечной – от-кровение человеком образа Божьего в себе, эта задача, как видится, единственно по силам нам, в этом делании – и соблазн безмерный. Замутнён образ нашим грехом, нашим не-деланием, без-действием, без-ответственностью нашей перед Богом и перед заданной Им для нас задачей... нашей нерадивостью нашим неподобием, нашим без-подобием перед Богом.

Не уподобляющийся образ всё более перестаёт быть образом, всё более зарастает грехом, как бы умножающейся, уплотняющейся на душе патиной. Так омертвевает в человеке образ, словно бы мутнеет зеркало Божье, орган в человеке, способный вос-принять Бога. Должно человеку непрестанно таинственно научиться этому вос-приятию, вос-питывать себя восприятием Христа, нуждаться в этом вос-питывании, - жаждать его и чувствовать всем естеством – глубокую разрастающуюся болезнь вне Бога, вне воспринятого Христа. Зеркало Господа в нас... это одно из возможных именовании образа Божьего в человеке. Орган, естественно дарованный Богом – человеку, орган, способный видеть своего Творца, способный уподобиться Первообразу.

Чем же иным, как ни образом Божиим в себе может человек распознать Бога в любых про-явлениях Его. Как бы отрясается пыль от стоп – отходит патина грехов и налипшего позёма – от-чищается внешними встрясками, внешними по-трясениями затхлого человеческого естества... самой смертью – отрясается. Скорбями и болезнями понуждает Господь к опаматыванию бездеятельного человека. Но, как представляется, более понуждаем человек внутренней тоскою, внутренней, часто небъяснимой тяготой болезненного состояния души, подобной некоему склепу, в котором погребли светлый образ Божий. Страдает нераскрытый образ во глубине живого человека, - пока жив – страдает образ... не ведомо, что будет за пределами земного существования. Образ, как отвергнутое человеческое свойство – предстанет ли пред Господом, не умея отразить Его в себе, не умея вос-принять Его... пригоден только лишь к отвержению во мрак внешний – от света, естественно Божественного. О б р а з о в а н и е – естественное стремление человеческого естества, природное свойство к высвобождению из уз греха, к о-свобождению в Боге, - отнюдь не удел избранных, удостоенных такой дивной возможности – образовать себя, отнюдь не сугубо имманентное личное делание... но природное наше свойство, унаследованное и воспринятое от пред-шественников наших на пути ко Господу, на опытном пути очищения Богоуподобления образа. Не мы первые ступили на этот путь, не ползок и не скользок он, незаблуден и верен, плодо-творен и плодо-носен... Струимся по нему, собственно делая то же, что и наши пред-шественники, усиливавшиеся уподобить себя Первообразу, отворить в себе зеркало – образ Господень, как естественное человеческое свойство, как свойство нашего рода – со-родичей наших, уподобляющихся Богу ныне, уподоблявшихся прежде нас, несущих задачу уподобления, как личное и как обще – родовое действование, единственное на потребу. Такой откровенный образ сможет от-образить Христа, изъявить от-ображённое в личном и соборном образотворчестве. Понимаем так. И тогда – воспримем образование, как истинное наше и моё личное бытование, как со-бытийствование Богу в истине, Богу истинному в истине человеческой природы, со-причастной Богу, в откровении человеческой природы со-бытию со Господом... Вот это и будет истинное, значимое, целе-положенное нашей природе со-бытие с Богом. Со – бытие, как со-существование образов, - из этого со-существования и должно, и единственно возможно про-рождаться гимну со-прикосновения образов, гимну иконы – символа взаимно – проникновенных пространств видимого и невидимого... пространства тварного мира и мира Творящего Бога, творчества Божьего в мир и со-творчества человеческого – ко Господу.

Не Ты и не я. Что он – без Тебя. Что он – предо мной.
Что я без него... - несчастная тварь во тьме, взаперти...
Ни света ни дна в моей пустоте, ни цели пути.
Вздывается хлябь, объявшая мир огромной волной.
Уже ли во мне – ковчег отворён природой иной
К тому, чтоб горе, по гребням смертей собой воз-нести,
Со мною рождён, - лишь он и живёт, лишь он и грустит
О рае своём, о близком Отце, о чести былой.

Подобен кому, - что завязь во тьме – непознанный блик, -
Он сила душе себя отворить, себя распластать,
Воз-высить себя, от ног отряхнув назойливый тлен.
Подобен – Тебе, лукавствует раб, утративший лик.
Утратил Тебя – не Ты отвратил не жаждавших знать,
Стенавших вотще во чреве червя, не вставших с колен.